

Деонтология и релевантность речевого взаимодействия

Установление равновесия и гармонии в речевом взаимодействии называют интеракциональной синхронизацией, цель которой не только обеспечить канал связи, но и поддержать адекватные интерперсональные отношения между собеседниками. Институциональное общение (например, парламентская коммуникация) накладывает особые ограничения на регламентирование интерперсональной деонтологии (см. подробно в [3]).

Однако любая конвенциональная коммуникация зиждется на прототипических законах и закономерностях речевой интеракции [2; 3].

В процессе этой самой интеракциональной синхронизации собеседники интуитивно отслеживают употребления различных интерперсональных маркеров (ИМ) – от паралингвистических (расстояния, жестов), формул приветствия или обращения до выбора темы и определения регистра речи (фамильярный, официальный, доверительный, дистантный) и языковой нормы (употребление жаргонизмов, «пафосной» лексики и т.п.) [4; 7].

Поэтому особым жанровым фоном в формировании деонтологии интерперсонального дискурса выступает речевая тональность. Вслед за некоторыми исследователями мы считаем тональность одной из главных дискурсивных характеристик речевой интеракции [5].

Стало уже общим местом утверждать вслед за Э. Гоффманом, что каждым индивидуумом движут два мотива: устанавливать связь с ему подобными и защищать свою личностную «территорию» от вторжения. Установление контакта ставит под угрозу целостность личностной «территории», под которой Гоффман понимает совокупный образ себя и своего окружения, включающий в себя самоуважение, согласие с самим собой, представление окружающих о тебе (определение собственного социально психологического положения) [11].

Рассмотрим некоторые литературные примеры, взятые из нашего корпуса французского речевого взаимодействия, иллюстрирующие этот и другие, релевантные для этого случая, постулаты:

(1) – *Mais* c'est c'que j't'ai expliqué l'aut'jour, *quoi!* (*Но* тебе это объяснял, ну!)

– *Ben faut croire* qu' t'étais pas clair, *hein!* (Ну, *наверное*, не так объяснял, а?) (D. André-Larochebouvy, 40).

В приведенном примере первый прибегает к речевой «агрессии» (маркеры *mais*, *ben*, *ну*, *но*, *же*). ИМ *faut croire* – *наверное, quoi* являются миметическими, смягчающими маркерами. Второй отвечает на упрек упреком, содержащим отрицательную оценку. Междометия *ben* и *hein* компенсируют защитную реакцию собеседника, компенсируя агрессивную стратегию защиты.

Поэтому, по мнению Дж. Лича, обреченный на социальные контакты, индивидуум имеет два «лица», то есть две стороны своего образа в глазах окружающих – «позитивное лицо», демонстрирующее его социальность и «кооперативность», и «негативное лицо», призванное защищать собственную территорию. Речевые стратегии определяются взаимодействием целей, мотивов, эмоций собеседников. Например, стратегия вежливости направлена на смягчение вторжения и сохранение позитивного лица [12]. Одна из разновидностей стратегии вежливости – стратегия позитивной самопрезентации, которая состоит из речевых ходов, которые нейтрализуют негативные умозаключения [1; 9]. Это поправки, уступки, речевые рефлексы, жесты и т.п. ИМ «*Pardon! Oh pardon!*» – одно из главных средств их реализации.

Маркеры дистантности позволяют говорящему подчеркнуть свою индивидуальность, отличие от собеседника, свой особый социальный статус, приобретая семиотический статус знаков-индексов и т.п. [8].

(2) – *Moi* c'que j'aime, c'est la chaleur. – *Oh ben c'est pas comme moi, fia* supporte pas, t'as d'ia veine! (D. André-Larochebouvy, 40);

(3) – *Ben tu vois moi* Sheila, j'aime bien... – *Ah non! Tu rigole* (D. André-Larochebouvy, 42).

Очевидно, что функция маркеров стратегии дистантности тесно связана с функцией маркеров контраргументации или отрицания иллюкутивной, информативной, аргументативной значимости высказывания, а также сочетается с функцией маркера имплицитного содержания и является средством реализации различных тропов (ирония, гиперболы и т.д.) [4]:

(4) «Henri: *Enfin*, Louis, Edmond est libre. Tu n'es ni sa mère ni sa soeur que je sache. Louis: *Dieu merci!*» (F. Sagan, 70);

(5) «Louis: *Voulez-vous insinuer* que Sylviane, cet ange, n'était pas vierge?

Isabelle: *Ah bien j'espère!*» (F. Sagan, 70).

Маркерами стратегии конфронтации и дистантности выступают отрицательные формы глаголов, выражающие сомнение в истинности/вероятности высказывания партнера, при этом к разряду ИМ примыкают стереотипные формулы типа «*On sait jamais*», «*Je sais pas, moi*» поговорки «*Qui vivra verra*» и т.п.:

(6) «A: Ah ben *tu vois moi j'sus sûr qu'*c'est possib'd'y entrer!

B: *Ecoute, j'sais pas, moi* J'ai téléphoné, on m'a répondu qu'*c'était* reserve aux membres qu'ont une carte! (D. André-Larochebouvy, 60);

(7) «F:...Ça *j'sais pas... non* ce qui serait/ce qui irait pas quand meme c'est si-la-si il y avait pas d'examens au mois de juin. G :...quand on voit des pays *j'sais pas combien* (ils sont) quand on voit des pays comme Russie que les gens (tiens j'lisais ton truc... les gens se soumettent et acceptent des situations inacceptables et qu'on voit en France comme on est libre comme on a / *j'sais pas j'comprends j'peux comprendre* qui qu'ils osent rouspéter... la grève... non *j'comprends pas*» (D. André-Larochebouvy, 60).

Любое проявление стратегии конфронтации может выражаться в различной степени экспрессивности, поэтому ИМ – маркеры полемики и т.п., как и маркеры стратегии сотрудничества, благодаря сочетанию с различными гипермаркерами (интонация, эллипс и др.), рассматриваются традиционной грамматикой как междометия, т.е. сигналы эмоций, опущений, волеизъявлений говорящего [7]:

(8) «A: *...et là tu vois là* ça m'est vraiment pas possib' de-de faire autrement.

B: *Ben voyons!* C'est parfait, n'changez rien!» (R. Quenaud, 30).

Полифункциональность и синкретизм ИМ позволяет говорящему не только употреблять одни и те же ИМ (особенно междометия) в различных стратегиях в зависимости от ситуации, с различной интонацией, мимикой (которые являются своего рода гипермаркерами, т.е. маркерами образования маркера), но и «прятаться» за непрозрачность речевой единицы:

(9) «César, grave. – *Ecoutez-moi bien. Il y a une question que je veux vous poser.* Et une question très grave. Est-ce que vraiment je suis coléreux?

Le docteur. – *Hum...* César. – Quoi, **hum?** Le docteur. – **Hum...** je fais: **hum...**» (H. Basin, 413).

Наиболее употребительными маркерами полемики среди ИМ являются «*Voyons*», «*Dis-donc*», «*Hein*», «*Eh bien*». Среди наиболее употребительных маркеров конфронтации – фраземы класса ИМ: «*Ta gueule!*», «*Ferme la!*», «*A d'autres!*» и т.д. К ним примыкают оскорбления и другие лингвистические и паралингвистические конфликтогены (мимика, смех, жесты):

(10) «*Dis donc, tata* Marceline, dit Zazie, *tu te fous de moi ou bien vraiment sourdingue?*» (R. Quenaud, 59);

(11) – *Et pourquoi ça* s’rait pas toi qui irait? *Après tout*, c’est c’est vous deux qu’avez eu l’idée non? – *Oh non dis va tu pousses!* (R. Quenaud, 60).

Первой составляющей признания собеседника является проявление внимания к нему как к партнеру по коммуникации, демонстрация расположенности вести с ним беседу. Среди них извинения, различные формы обращения и сигналы, подчеркивающие внимание к собеседнику на протяжении всего речевого контакта, сопровождающиеся адекватной интонацией: *ah ben, oh ben, hé ben (bien), tiens, vous voyez, vous comprenez, écoutez*, или их сочетание: *Ah ben tenez, écoutez...* Привлечение внимания собеседника также служит приглашением к речевому взаимодействию:

(12) «*Ben tu vois, j’veais t’dire, c’ truc-là, tu vois*, hein, *ben ça...* c’est pas...

Enfin bof, ça m’f ra pas grimper aux murs, *hein!*» (H. Basin, 16);

Непризнание собеседника сопровождается противоположной стратегией конфронтации:

(13) A: *He oh* toi là-bas! B: Qui moi? Qu’est-ce qu’il y a? (D. André-Larochebouvy, 140).

В миметические стратегии входит и благодарность:

– в диалоге:

(14) «*Merci pour l’attention!* dit Mme Rezeau, les lèvres serrées...» (AL, 80);

– во внутреннем диалоге:

(15) «Et puis quoi, l’amour! Qu’est-ce que c’est que ça, l’amour? La mer, l’amour, toujours recommencés. De quoi ai-je l’air? Roudoudou, sentiment, fleur bleue, *non, merci!* Perdre ma force, *non, merci!*» (H. Basin, 60).

Иногда для привлечения собеседника на свою сторону говорящий подчеркивает принадлежность к определенной группе, относя к ней и собеседника, в противоположность остальным (les gens)[]:

(16) «Alors il veut pas s’en aller. *Je ne sais pas moi je comprends pas des gens pareils. Qu’est-ce que vous voulez? on peut pas quand on voit*, on dire, on veut... l’autre l’a pris avec lui» (D. André-Larochebouvy, 30).

В реальном взаимодействии маркеры «кооперативности» сопровождают маркеры «конфронтации», выступая в качестве «сохранения позитивного лица» говорящего [12]:

(17) A: Est-ce vous voulez laisser les enfants venir avec nous? B: *Oh non non pas du tout, vous pensez!* Ils vont vous déranger. A: Non non *j’veus assure*, moi ça m’dérange pas du tout! B: Oh mais si, *vous pensez!* Jeu...

j'ieur interdit pourtant d'se faire inviter comme ça! (D. André-Larochebouvy, 50).

Не менее важным для соблюдения деонтологического равновесия в диалоге является наличие общих фоновых знаний, общей пресуппозиции.

Как показал О. Дюкро, практически невозможно соединение имплицитного содержания предыдущего высказывания с эксплицитным содержанием последующей реплики [10]. В естественной речи говорящие часто нарушают это правило, используя определенные механизмы и средства языка. К таким средствам относят и ИМ. Так, например реплика (18) является не только актуализатором (маркером принятия) имплицитного содержания реплики ('Я должен выйти'), но и маркером соблюдения иллокутивного согласования «косвенный акт просьбы – акт согласия (разрешения)»:

(18) – Moi, dit Charles, je passe voir Tourandot, J'ai quelque chose à lui dire. – **Compris**, dit Gab. – Qu'est-ce qu'il y a à comprendre? demanda Zazie (R. Quenaud,, 63).

Данная реплика выявляет лексикализованный и конвенциональный характер ИМ. Причиной той или иной реакции на определенное высказывание-стимул является следование собеседником определенной речевой стратегии: например, участник речевого взаимодействия может иметь общую стратегию быть добрым и вежливым.

Кроме интерперсонального аспекта, на релевантность высказываний влияет и аргументативный план, т.к. аргументирование непосредственно связано с иллокутивным вынуждением и «самовынуждением» (необходимое подкрепление высказывания аргументами). В диалогическом дискурсе к иллокутивному вынуждению добавляется стратегия аргументирования, когда ИМ в рамках ответной реплики выполняют, помимо иллокутивной функции – подтверждение, возражение – и аргументативную функцию. Здесь ИМ – маркер усиления аргументативной силы предшествующего высказывания; маркер контраргументации:

(19) – T'as eu les jetons? – **Tu parles**. Jamais eu une telle trouille (R. Quenaud, 72).

Определенной иллокутивной стратегией является уклонение от иллокутивного вынуждения, когда собеседник, прибегая к ИМ, пытается изменить перспективу разговора. Чаще всего при этом используются ИМ, образованные глаголом «savoir». Формально заполняя позицию реплики-реакции, ИМ позволяет уйти от ответа со ссылкой на отсутствие знания:

(20) – C'est lui qui a fait le plus grand chemin non? – J'sais pas. (R. Quenaud,, 96).

Отношение говорящего к пропозиции (предметная ситуация), к собеседнику, самопрезентация, совершение речевых действий, направленных на изменение деятельностной ситуации, – все это маркируется интерперсональными маркерами (ИМ) и отражается на построении высказывания и интеракционального дискурса. Сочетанием различных по интерперсональной направленности ИМ достигается равноправие партнеров, равновесие в интерперсональной стратегии и тактике ведения речевого взаимодействия и, тем самым, релевантности в разворачивании и структурировании совместного речевого произведения – диалогического дискурса.

Библиографический список

1. Алферов А.В. Релевантность высказывания // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2005. № 1. С. 54-59.
2. Алферов А.В. Когнитивное пространство интеракционального дискурса // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2007. № 3-4. С. 106-108.
3. Алферов А.В., Кустова Е.Ю., Попова Г.Е. Интеракциональное регулирование когнитивного пространства собеседников // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2013. № 2. С. 77-79.
4. Алферов А.В., Кустова Е.Ю. Прагма-семантическая конверсия как фактор динамики языковой системы (на материале русских и французских интеръективных форм) // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2014. № 1. С. 59-62.
5. Алферов А.В., Кустова Е.Ю., Попова Г.Е. и др. Актуальные аспекты интеракциональной теории языка: коллективная монография. Пятигорск, 2013. 300 с.
6. Алферов А.В., Кустова Е.Ю., Попова Г.Е. Релевантность в концептуализации России во французском парламентском дискурсе // Политическая лингвистика. 2015. № 2. С. 57-62.
7. Кустова Е.Ю. Интеракциональная типология французских интеръективов // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2009. № 1. С. 82-87.
8. Петренко Т.Ф., Алферов А.В. Проблемы семиотики. Хрестоматия. Пятигорск, 2007. С. 4-5.
9. Попова Г.Е. Релевантность высказывания как единицы речевого взаимодействия. АКД. Воронеж: Воронежский государственный университет, 2004. 20 с.
10. Ducrot O. Le dire et le dit. P.: Minit, 1984. 273 p.
11. Goffman E. Facons de parler. P.: Minit, 1987. 379 p.
12. Leech G. Principles of Pragmatics. London – New York: Longman, 1983. 250 p.